

Николай Денисович СмоляковОмский государственный педагогический университет, аспирант кафедры философии, Омск, Россия
e-mail: nikolaj.smolyakov.2942@mail.ru

Познание и деятельность в фаустовской культуре

Аннотация. Идея, представленная в работе, выражается через антитезис методов познания и отношения к истине двух родственных культур — античной (аполлонической) и европейской (фаустовской). Вслед за О. Шпенглером предполагается, что в основе познания лежит понятие числа, различное в обозреваемых культурах. Статичное аполлоническое число (через наделение истины тем же свойством) заключает античные методы познания в строгие логические рамки, вынуждая мыслителя конструировать действительность через призму желаемого. Фаустовское же число, в какой-то степени, есть число аморфное, т. е. неопределенное, вызывает становление нового взгляда на мир, принадлежащего ученому-экспериментатору, которому свойственна процедура обратная — конструирование желаемого через действительное.

Ключевые слова: познание, деятельность, понятие числа, фаустовская культура.

Nikolay D. SmolyakovOmsk State Pedagogical University, Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: nikolaj.smolyakov.2942@mail.ru

Cognition and Activity in Faustian Culture

Abstract. The idea presented in the work is expressed through the antithesis of the methods of cognition and attitudes toward truth in two related cultures — ancient (Apollonian) and European (Faustian). Following O. Spengler, it is proposed that the concept of number, which differs in the two cultures, underlies cognition. The static Apollonian number, by imbuing truth with the same property, confines ancient methods of cognition within a strict logical framework, forcing the thinker to construct reality through the prism of desire. Faustian number, on the other hand, is, to some extent, an amorphous number, that is, indefinite, evoking a new worldview, one that belongs to the experimental scientist, who employs the reverse process — constructing the desired through the actual.

Keywords: cognition, activity, concept of number, faustian culture.

Введение (Introduction)

Термин «фаустовская культура» был представлен Освальдом Шпенглером в труде «Закат Европы», 1-й том которого был опубликован в 1918 г. Под фаустовской культурой подразумевается состояние современной европейской цивилизации, для которой характерна идея о всемогущем человеке, заведомо уверенном в успехе своих начинаний и неустанно стремящемся к ускользающей истине. Не обремененный догматизмом Средневековья и фиксацией на риторике античной школы, он, вооруженный уверенностью в своих собственных силах, ставит природу себе на службу, принуждая ее быть средством, для осуществления своей целеполагающей деятельности. Уникальность фаустовской культуры обнаруживается в числе прочего в необычном методе познания, не характерном для иных культур. Метод этот основан на холодном осмыслении эмпирических данных, холодном настолько, насколько возможно осмысливать эмпирические факты без наложения этих фактов на культурный фон, состоящий из различного рода предубеж-

дений, имеющих причиной унаследованную от предков привычку домысливать и достраивать суждения до их мнимой и истинной только для нас целостности.

Известно, что для результативного изучения чего-либо, помимо расчленения изучаемой вещи на части и подробного анализа этих частей, было бы также неплохо рассмотреть исследуемую вещь на фоне вещи аналогичной. Исследовать новоевропейскую — фаустовскую — культуру, в частности ее элементы — познание и деятельность, было бы затеей малорезультативной, если бы некая научная работа состояла из простого перечисления и так известных фактов. Совсем другое дело, когда при исследовании одной культуры на нее накладываются трафареты прочих культур, в результате чего может возникнуть новое знание. Появляется возможность взглянуть на свою собственную культуру как бы со стороны, а это именно то, чего необходимо добиться исследователю, если он не хочет, чтобы его работа состояла из простого перечисления фактов, самих по себе доступных прочим умам. Именно так

и поступает Шпенглер в «Закате Европы», противопоставляя античную (аполлоническую) культуру новоевропейской (фаустовской). Корень всякой культуры лежит не в предметах быта, вещах и произведениях искусства, а в мировоззрении индивидуумов. Исходя из чего Шпенглер для осмысления мировоззрений двух культур избирает вещь фундаментальную, лежащую в основе методологии познания и отношения к истине, — число. Руководствуясь исследованием Шпенглера, после анализа воззрений на число аполлоническое и фаустовское не только станет возможным проведение черты между принципами познания и деятельности двух культур, но и появится возможность посмотреть на свою собственную культуру со стороны, будто бы не будучи ее частью.

Методы (Methods)

Анализ методологии познания двух родственных культур проводится на фоне присущего этим культурам математического языка, состоящего из понятий, необходимых для антропоморфного отражения действительности в сознании. Последующее сравнение необходимо для выявления тех обстоятельств, которые и способствовали становлению двух родственных, но в то же время кардинально отличающихся культур — аполлонической и фаустовской.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Использование Шпенглером образа Фауста, главного героя трагедии Иоганна Вольфганга фон Гёте, без преувеличения является крайне удачным. Гениальность Гёте позволила выразить сущность европейской цивилизации в поэтической форме, а доктора Фауста представить в виде духа, олицетворяющего новоевропейскую культуру. В ходе представленного здесь исследования будут приводиться цитаты доктора Фауста, а иногда и Мефистофеля, дабы попутно разъяснить неслучайно выбранное Шпенглером название для этого типа культуры. Мефистофель, дьявол, с которым заключил сделку Фауст, в прологе говорит Господу: «Да, странно этот эскулап / Справляет вам повинность божью, / И чем он сыт, никто не знает тоже. / Он рвется в бой, и любит брать преграды, / И видит цель, манящую вдали, / И требует у неба звезд в награду / И лучших наслаждений у земли, / И век ему с душой не будет сладу, / К чему бы поиски ни привели» [1, с. 18]. Почему душа доктора Фауста, как и новоевропейская цивилизация, не способна испытать насыщение в своих изысканиях и деятельности? Забегая вперед, до анализа понятия числа и его влияния на принципы и методы познания, сам ход мысли заставляет высказать следующий тезис: в фаустовской культуре отсутствует идея конечности. Мировоззрение человека фаустовской культуры можно назвать научным в современном смысле этого слова, а сама сущность европейской науки не имеет идеи конечности. С. И. Гессен в работе «Основы педагогики. Введение в прикладную философию» писал, что задача, которую ставит наука перед человеком, неразрешима: «Неразрешимость этих задач проистекает не от их мнимости, но от их неисчерпаемости. ...Эти последние цели... можно назвать целями-заданиями... неисчерпаемыми по самому существу своему

и открывающими для стремящегося к ним человечества путь бесконечного развития» [2, с. 33]. Если для античного мыслителя мир представлялся познаваемым и конечным (например, идеи Платона, первичные и конечные одновременно, а главное, доступные для познания), то европейская цивилизация достигла совершенно иного уровня абстрактного мышления.

О. Шпенглер в главе «О смысле чисел» приходит к выводу, что понимание числа у всех культур различно и представляет собой не просто отдельную область знания, а стиль мыслящей души: «то, что выражается в мире чисел, но не в одной только его научной формулировке, есть стиль души. Отсюда явствует решающий факт, который до сих пор оставался скрытым от самих математиков. Не существует и не может существовать никакого числа в себе. Есть множества миров чисел, так как есть множество культур» [3, с. 208]. Античный гений, выраженный в Пифагоре, впервые осознал число как вечное и неизменное, нечто абстрактное, исключительно мыслимое, но соизмеримое с чувственным миром, вследствие чего вся античная математика и наука оперируют идеальными объектами, которые, в свою очередь, не должны вызывать противоречий и несогласованности с миром осязаемым, при этом Бертран Рассел писал: «Если же чувственный мир не укладывается в математические рамки (пифагорейцев), то тем хуже для чувственного мира» [4, с. 63]. Античный мыслитель, пораженный красотой числа, делит действительность на два плана: то, что есть на самом деле, и то, что только кажется. Очевидно, что изменчивый чувственный мир относится ко второму, а идеальные объекты, подобные числу, к первому.

Осознание греками числа с необходимостью породило в их сознании представление о статичной истине, т. е. вечной и неизменной. Стоит снова процитировать Рассела: «Я полагаю, что математика является главным источником веры в вечную и точную истину, как и в сверхчувственный интеллигибельный мир» [4, с. 66]. Забегая вперед, стоит сказать, что в связи с различным пониманием числа в аполлонической и фаустовской культурах понятие истины также меняется — изменчивое число аналогичным образом порождает изменчивую истину. Вернемся к грекам. Теория идей Платона есть доработанная установка пифагорейцев: «всё есть число». Подобно числу, для каждой вещи есть свой прообраз, первичная и вечная идея, а весь зримый мир представляет собой несовершенные копии этих идей. Сам человек, в своей частности, есть блуждающая идея, которой необходимо достичь единственной значимой цели — воссоединиться с абсолютной идеей, т. е. с Богом, через постижение блага. Методы достижения истины, одновременно с ее статичностью, не должны были вызывать каких-либо противоречий и парадоксов, так как античная математика их не терпит вовсе. В основе античного мышления лежит положение «А есть Б», а это, в свою очередь, и есть геометрия, в которой из ясных и очевидных аксиом выводятся новые истинные положения. Силлогизм, по логике Аристотеля, есть ясный тому пример: «Сократ — человек, все люди смертны, следовательно, Сократ смертен».

Строгий ход мысли, сообразный математическим вычислениям, с неизбежностью приводил древнегреческих мыс-

лителей к различного рода противоречиям вследствие пренебрежения опытом, т. е. миром чувственным, что привело их к изобретению дополнительной функции мышления — моделированию и нормированию суждения, т. е. к выдаче желаемого за действительное. В. М. Розин отмечает: «Вот этот момент нормирования и моделирования рассуждения служит еще одним кардинальным шагом в усилиях ряда греческих мыслителей. Уже пифагорейцы, подчинив вещи и мироздание числовым отношениям, подготовили почву для этого поворота...» [5, с. 84] Исходя из этого, Шпенглер приходит к еще одному выводу: число есть не только стиль мыслящей души, но и «знак совершенного ограничения» [3, с. 207]. Методы познания древних греков, основанные на понятии статичного числа и само собой разумеющихся геометрических аксиомах, оказались изначально ограниченными, что, в свою очередь, ограничивает и всякую деятельность, делая развитие культуры на некотором этапе конечным.

Теория идей Платона до крайности красива, но, к сожалению, не имеет шансов на то, чтобы прижиться в фаустовской культуре. Если для эллина между 1 и 3 есть только одно число, то для нас их бесконечное множество, в связи с чем в мировоззрении, в котором нет идеи конкретного и вечного числа, отсутствует и плодородная почва для принятия теории идей. Шпенглер пишет, что фаустовское число не есть продолжение числа аполлонического, а полное его переосмысление. Фаустовское число никогда не статично, вечно изменяемое и наполненное парадоксами, принуждает мыслителя двигаться вперед маленькими шажками, всё время оглядываясь назад, заставляя сомневаться в истинности открытых им положений. Наше число есть несоизмеримое отношение, например функция $y = f(x)$ для древнего грека была бы просто немыслима, «античное константное число растворилось в изменяющемся» [3, с. 242].

Новая математика есть мир новых рациональностей, обозримых, но необъятных разумом. «В аполлонической математике ум служит глазу, в фаустовской он одолевает глаз» [3, с. 244]. В качестве примера стоит упомянуть комплексные числа, выведенные итальянским математиком Джироламо Кардано в 1550 г. Это такие числа, при которых имеется вещественное число, помноженное на мнимое, например на $\sqrt{-1}$. Мнимые числа не имеют своего воплощения в мире чувственном, но в отличие от древнего грека, который в соответствии с приведенным утверждением и не посчитал бы их реальными, фаустовская душа признает их реальными «более чем». При этом название «мнимые» не стоит понимать в буквально-повседневном смысле как ненастоящие, например Гаус называл эти числа «перпендикулярными» в связи с их расположением в пространстве к вещественным числам. Античный мыслитель посчитал бы мнимое число злой шуткой, а математика, применяющего это число в вычислениях, человеком без каких-либо математических способностей. «Современная математика, этот шедевр западного духа — «истинный», разумеется, только для него, — показалась бы Платону смешным и жалким заблуждением на пути, ведущем к истинной, именно античной математике» [3, с. 218]. Ноль, отрицательные числа, мнимые числа, дифференциальное исчисление, всё то, что

является неотъемлемой частью нашего понятия числа, есть не просто развитие античной математики, а полное переосмысление числа вообще.

Важный аспект, подчеркнутый Шпенглером, есть то, что осознание античного числа и переосознание числа нашей культурой уже находились в состоянии потенции в душе культуры: «В наиболее ранних формах античного орнамента и готической архитектуры осуществлена идея евклидовой геометрии и счисления бесконечно малых, за целые столетия до того, как родился первый ученый математик этих культур» [3, с. 209].

Сложно сказать, в какой именно момент произошел перелом в мышлении, но обычно за точку отсчета принимается работа Николая Коперника (1473–1543) «Об обращении небесных сфер», опубликованная в 1543 г., в которой уже присутствуют зачатки фаустовского мышления. Коперниканская революция нанесла критический удар прежнему образу мышления, оказалось, что человек не абсолютен, а разум его беспомощен без обращения к опыту. От Коперника, Тихо Браге (1546–1601), Иоганна Кеплера (1571–1630), Галилео Галилея (1564–1642), от идей Рене Декарта (1596–1650) и Фрэнсиса Бэкона (1561–1626) к «Математическим началам натуральной философии» Исаака Ньютона (1642–1727) берет свое начало научная революция, подобная той, которая произошла в Древней Греции и была связана с осознанием числа и изобретением мышления типа А есть Б. Теперь опыт, т. е. чувственный мир, есть критерий истины, а не разум, предоставленный самому себе. «Наука отныне не дело “бумажного мира”, она становится исследованием и раскрытием мира природы» [6, с. 147].

С отделением понятия числа от соизмеримой величины, от того, что можно осмыслить, перед человеком фаустовской культуры открывается возможность мыслить иррациональное как действительное и допускать в присутствии неосмысленное. Замечательный пример тому — физика Ньютона, которая представляет собой обобщение эмпирических фактов с последующим совершенно новым актом мысли — «придумыванием» понятий. Как пишут Д. М. Федяев и Н. Д. Федяева, «для ньютоновского типа научного мышления существует отказ от образной интерпретации вводимых понятий. <...> Не находя опоры в чувственно окрашенном разуме, научные понятия оказываются оправданными результатами их применения в математических описаниях природных процессов» [7, с. 68]. При эмпирических изысканиях и допросе природы так или иначе исследователь сталкивается с явлениями, для которых отсутствуют подходящие названия в разуме, в связи с чем приходится изобретать что-то, что будет соответствовать выявленному явлению. О. Шпенглер пишет: «Нынешний физик слишком легко забывает, что уже сами слова типа “величина”, “положение”, “процесс”, “изменение состояния”, “тело” выражают специфические западные картины с уже не поддающимся словесной фиксации семантическим ощущением...» [3, с. 569]

Истина (для нашего ученого) есть соответствие понятия действительности. Прямо по Гегелю: «Если объективная истина есть сама идея как соответствующая понятию реальность и в этом смысле предмет может иметь или не иметь в самом себе истину, то, напротив, более определенный

смысл истины в том, что она истина для субъективного понятия или в нем, в *знании*» [8, с. 243]. Если в Античности чувственный мир был обязан согласовываться с разумом, то для нас разум — слуга опыта, а все истины, находимые за исследованием природы, есть истины шаткие, неизбежно подверженные скорому переосмыслению. Значимым аспектом такого рационально-эмпирического метода познания есть обратная связь, т. е. движение мысли не только от опыта к абстрактно-логическим формам, но и наоборот. Необходимость проверки абстрактных образов, изобретаемых творческими умами, привела к развитию техники и инженерной деятельности в целом. «Научная революция порождает современного ученого-экспериментатора, сила которого — в эксперименте, становящемся все более строгим благодаря новым измерительным приборам, все более и более точным. <...> Тесная связь теории и практики, науки и техники порождает еще один очевидный феномен научной революции — быстрый рост и совершенствование инструментария (компас, весов, механических часов, астролябий, печей и т. д.)...» [6, с. 151–156] Физик-теоретик «придумывает», а физик-экспериментатор проверяет «придуманную» гипотезу в опыте. Европейская цивилизация есть технологическая цивилизация. Инженерный дух не смог спрятаться в лабораториях и университетах и из сферы научной проник в жизнь общественную.

Заключение (Conclusion)

Шпенглер приписывает фаустовской душе «страстную тягу к бесконечному», которая уже выразилась в отправке «Вояджеров» за пределы Солнечной системы, в разработке электронного микроскопа, в секвенировании генома человека и во многих других достижениях, но при всем этом мы унаследовали от предков потребность в чем-то вечном

и неизменном, в какой-то конечной истине. Отсюда следует великая наша тоска по абсолютной истине и ее поиск, устремляющийся в бесконечность. Фауст в трагедии Гёте чуть не покончил жизнь самоубийством, страдая от такой тоски. Изучив все доступные ему науки, он осознал, что знает, что ничего не знает, не обладает той желанной конечной истиной, недоступной для него и для нас в связи с нашим стилем мышления, лишенного возможности применения каких-либо допущений, предоставляемых человеку его мифом или религией. Страдающий от своего незнания Фауст говорит: «Но знания это дать не может, / И этот вывод мне сердце гложет... <...> И к магии я обратился, / Чтоб дух по зову мне явился / И тайну бытия открыл. / Чтоб я, невежда, без конца / Не корчил больше мудреца, / А понял бы, уединясь, / Вселенной внутреннюю связь, / Постиг все сущее в основе / И не вдавался в суесловье» [1, с. 24]. Тоска эта обусловлена тем, что человек в соответствии со своей природой задает вопросы, на которые наша наука ответы дать не в состоянии.

В предисловии к первому изданию «Критики чистого разума» И. Кант пишет: «На долю человеческого разума выпала странная судьба, в одной из областей его познаний: его осаждают вопросы, от которых он не может отделаться, так как они задаются ему собственной его природой, но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят его силы» [9, с. 22]. Характерный для современной культуры научный метод познания, основанный на холодном анализе эмпирических данных, ведет человека по извилистой тропе познания без каких-либо намеков на продолжительность этого похода и гарантий на то, что в конце пройденной дороги путника будут ждать ответы на вопросы, обозначенные им в начале путешествия, и на то, что эти вопросы не потеряют своей гносеологической актуальности.

1. Гете И. В. Фауст / пер. Б. Пастернака. СПб. : СЗКЭО, 2024. 528 с.
2. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / отв. ред. и сост. П. В. Алексеев. М. : Школа-Пресс, 1995. 448 с.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М. : Мысль, 1998. 663 с.
4. Рассел Б. История западной философии. М. : АСТ, 2016. 1024 с.
5. Розин В. М. Понятия и современные концепции техники. М. : Ин-т философии Рос. акад. наук, 2006. 225 с.
6. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта / пер. и ред. С. А. Мальцевой. СПб. : Пневма, 2002. 880 с.
7. Федяев Д. М., Федяева Н. Д. Четвертое правило Рене Декарта: попытка прояснения смысла // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2024. № 2 (43). С. 65–70. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-43-65-70
8. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. М. : Мысль, 1972. Т. 3. 371 с.
9. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского. М. : Наука, 1999. 655 с.